

МУДРОСТЬ ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ

В статье рассматривается актуальность идей Эдмунда Гуссерля для современной духовной ситуации, в которой оказалось человечество. Особое внимание уделено генетической связи идей Гуссерля как с мыслями его предшественников Р. Декарта и И.В. Гете, так и теми, на кого феноменология оказала решающее значение.

Ключевые слова: мудрость, идеи Эдмунда Гуссерля, Р. Декарта, И.В. Гете.

В самом начале своих «Картезианских размышлений» Эдмунд Гуссерль писал: «Философия – это мудрость, и она является до некоторой степени личным делом философа. Она должна принадлежать ему, быть его мудростью, его знанием, которое, хотя и ведет к всеобщему, было им усвоено и которое он должен уметь доказать с самого начала и на каждом этапе, опираясь на свою абсолютную интуицию. С момента, когда я принял решение идти к этой цели, а только такое решение может привести меня к жизни и к философскому развитию, я тем самым дал обет бедности в том, что касается знания» [1, 4, 324].

Ушедший XX век был эпохой всеобщей рационалистичности и веры в бесконечные возможности науки. Приведенные выше слова Гуссерля казались странными для большей части европейских интеллектуалов. Но на заре нового тысячелетия постепенно становится ясно, что математическое естествознание неизбежно повлекло за собой закабаление человека созданной им самой техникой. В современную эпоху господства техники, когда последняя начинает фактически воспроизводить самое себя, позволительно и необходимо поразмышлять над наследием мыслителей прошлого, таких как Эдмунд Гуссерль, которые предвидели многие сюжетные ходы грядущей истории человечества и созданной им науки.

У нас в стране труды Эдмунда Гуссерля начали издавать до революции. В 1909 году в Санкт-Петербурге вышел первый том его «Логических исследований», а в 1911 году издан труд «Философия как строгая наука». Но затем его феноменология была зачислена по классу буржуазного идеализма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Хотя у нас в России интересна, прежде всего, фигура, Г.Г. Шпета, работу которого «Явление и смысл» традиционно относят к классике феноменологической философии.

Эдмунд Гуссерль (1859–1938) прожил долгую и насыщенную творческими свершениями жизнь. Родившись в городе Проснице (Моравия) в еврейской семье, он всю свою жизнь связал с культурой Германии. Академическая среда Германии тогда была свободна от антисемитизма, поэтому даже в самом страшном сне Гуссерлю не могли привидеться последствия января 1933 года, когда к власти в стране пришли сторонники национального социализма. Поэтому остаток жизни философа был омрачен сгустившимися на политическом небосклоне Европы коричневыми тучами. Лишь самые близкие друзья осмеливались поддерживать с ним отношения вплоть до его смерти. Около сорока пяти тысяч страниц гуссерлианского архива были спасены бельгийским священником Германом Ван Бреда от уничтожения нацистами.

Образование свое Гуссерль начал с математики и психологии. Защищенная им в 1887 году габилитационная (докторская) диссертация называлась «О понятии числа. Психологический анализ». Общаясь с представителями различных конкретных наук, Гуссерль всегда сталкивался с определенным безразличием ученых к проблемам философии. Это не могло не возмутить талантливого ученого. В философии он начал как ученик профессора Вюрцбургского университета Франца Brentano (1838–1917), который ввел в науку понятие интенциональности. Сам Гуссерль преподавал в Геттингенском университете, который сменил затем на Фрейбургский.

В 1891 году ученый публикует первый том своего первого значительного произведения «Философия арифметики», посвященного изобретению числовых символов. Гуссерль доказывал, что математика вовсе не является ни абсолютно точной наукой, ни тем более идеалом для других наук. Дело в том, что математика строит свое здание на условных предположениях –

аксиомах. Сами же эти аксиомы бездоказательно принимаются на веру. Если они верны, то верны только относительно. Ведь сама природа рассматривается математикой только со стороны количественных отношений, а качественные остаются вне поля зрения. В результате мы имеем только безжизненный остов природы вместо ее живой и истинной картины. Следовательно, самая точная из наук оказывается и самой произвольной.

Свой феноменологический метод Гуссерль начнет разрабатывать и излагать лишь в «Логических исследованиях», которые вышли в начале 1900 года. В этом труде Гуссерль осуществляет критику психологизма, согласно которому логические законы являются отображением в мире чувственных реальностей навыков восприятия. Гуссерль обращается к критике кантианства и пытается обосновать формальную науку о предмете, управляемом в основном не-противоречием. Законы этой науки являются не отображением психических навыков, а требованиями трансцендентального субъекта (*cogito*). Во втором томе «Логических исследований» Гуссерль вводит понятие феноменологии как «чистой онтологии пережитого». Феноменология Гуссерля возникла не на пустом месте, ибо она базируется на исканиях Платона и Декарта, Лейбница и Brentano, Гегеля и Больцано.

Как писал Мераб Мамардашвили, «феноменология, очевидно, есть момент всякой философии. И в этом смысле философия является как бы бесконечной культурной формой. То есть она содержит в себе некоторые уже заданные ее целостностью моменты или зерна, которые могут когда-то и кем-то выявляться, развиваться с помощью понятий, но сами возможности этого развития будут содержаться уже в самом факте конституирования философии» [5].

Огромно влияние на Гуссерля великого Иоганна Вольфганга Гете, который предвосхитил – порой в явной форме – многие идеи феноменологии, дословно означающей «изучение того, что явлено». Мир явлений казался Гете таким богатым, содержательным и выразительным, что он в своих занятиях наукой не хотел уходить из него в мир абстракций, в частности математики, надуманных гипотез и теорий. Великий мыслитель писал: «Существует деликатная (*zarte*) эмпирия, которая весьма интим-

но (*innigst*) сливается с предметом и тем самым становится настоящей теорией» [4, 171]. Такая эмпирия, очевидно, дает как бы слепок предмета, так ясно передает его, что всякие абстрактные теории становятся излишними. «Высшее было бы – понять, что все фактическое уже есть теория. Синева неба обнаруживает нам основной закон хроматики. Не надо ничего искать за феноменами: они сами – теория» [4, 167].

Вот почему Гете сказал: «Думать более интересно, чем знать, но созерцать – интереснее» [4, 234]. Об идеях он говорил: «Я... вижу их глазами» [6, 98]. Фактически теория познания Гете базируется на признании первенства интеллектуально-образного познания. Вслед за Гете, борющимся с цветовой теорией Ньютона, Гуссерль понимал, что постановка эксперимента, даже самого банального, составляет проблему. Наблюдение – это не просто механическая операция, ибо нет и не может быть очевидных вещей, поскольку – и этот аспект проблемы интересует феноменологию более всего – зрение и ум всегда находятся в ложном положении. Это обусловлено антиципацией, предубеждением, научными и даже метафизическими убеждениями субъекта. История науки богата примерами, когда очевидность эксперимента в течение долгого времени оставалась «не замеченной», скрытой именно считавшимися очевидными знаниями.

Недаром Гуссерль обобщил свой метод в девизе «К самим вещам» (*Zu den Sachen selbst*). Вещи очищались от словесных нагромождений. Это требование обозначало сконцентрироваться на смысловой направленности сознания к предметам, при которой предметы обнаруживают свой смысл без дополнительного рассмотрения различных природных или искусственных связей этого предмета с другими предметами. В первый период своего творчества (до 1913 года) Гуссерль призывает «идти назад к опыту, к созерцанию, которое одно только может дать нашим словам смысл и разумное право» [2, 143]. «Без очевидности нет науки», – скажет Гуссерль в «Логических исследованиях».

Гуссерль начал с требования превратить философию в «строгую» дисциплину, повторив, таким образом, задумки многих своих гениальных предшественников, таких как Декарт и Спиноза. В 1911 году он выпускает работу «Философия как строгая наука». Гуссерль стремится

ся создать логику научного знания. Но прежде чем такая логика может быть создана, необходимо в «чистом виде» вычленив и обосновать логические категории и законы. Именно эту задачу и должна выполнить феноменология – «чистая теория познания», которую Гуссерль задумал как гносеологическую подготовку логики и методологическое обоснование всех наук.

Недостаточно хотеть видеть, чтобы действительно увидеть. Очень трудно поставить истинный эксперимент о мире, не запутавшись в собственных предубеждениях. Именно это является проблемой феноменологии, «изучения феноменов», то есть не вещей в себе (ибо эта тема специальных наук), а как они познаются человеческим сознанием. По Гуссерлю, достигнуть этой цели можно путем мысленной практики *эпохе* и эйдетической редукции. В 1913 году выходит в свет труд «Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии», где Гуссерль объясняет, чем должна быть феноменология, понимаемая как фундаментальная философская наука. Цель такой науки – раскрыть сущность, идеальные отношения, независимо от их психологического происхождения, посредством интуиции. Гуссерль завершил свою знаменитую работу «Картезианские размышления. Введение в феноменологию» такими словами: «Положительная наука – наука о сущности, которая потерялась в мире. Сначала надо потерять мир через *эпохе*, чтобы затем снова его найти в обретении универсального знания в себе самом» [1, 4, 532].

Эпохе – это греческий термин, которым античные философы-скептики называли сомнение, воздержание от суждения. Их критерии: ничего не принимать, ничего не отрицать. Для Гуссерля эпохе означало необходимость ставить под сомнение все то, что известно и что обуславливает, одним своим присутствием, наши реальные ощущения и убеждения. Нужно отказать от собственных предрассудков, даже от философских и религиозных убеждений, даже от тех достижений науки, которые повсеместно считаются достоверными. Все то, что каким-то определенным образом формирует предвзятый образ мира, должно быть отставлено в сторону.

Применение *эпохе* не тождественно принятию окончательного решения, поскольку заложенные в основе нашего восприятия привычки не меняются простым волевым движением.

Эпохе указывает на долгий и тяжелый труд, который приверженец феноменологии должен проделать над самим собой. Применять *эпохе* – значит учиться созерцать по-настоящему. Ведь даже самые простые данные восприятия найдутся под влиянием воображения, определенного типа культуры и свойственных ей предрассудков. Ученый должен очистить свой ум от всего кажущегося, произвольного, случайного, с тем чтобы поставить себя в положение наивного и незаинтересованного наблюдателя. Для феноменологии ни один предмет не может полагаться полностью известным и ничто не должно считаться настолько простым, чтобы называться очевидным. Ведь история науки богата примерами, когда великие открытия делались учеными именно в тот миг, когда с их глаз спадала привычная пелена и они начинали по-новому смотреть на простые эксперименты, которые до сего момента не нуждались в углубленной проверке.

Гуссерль писал в «Картезианских размышлениях»: «...*Эпохе* является универсальным и радикальным методом, при помощи которого я понимаю себя как чистое Я, со свойственной мне жизнью чистого сознания, жизнью, в которой и посредством которой весь объективный мир существует для меня точно такой, каким он для меня существует. Все, что является «миром», любое космическое и земное существо, существует для меня, то есть представляет для меня ценность, поскольку я узнаю о нем на опыте, чувствую его, вспоминаю его, некоторым образом думаю о нем, отягощаю его мнениями о существовании и ценности, желаю его и так далее. Все это, как известно, указывал Декарт посредством термина *cogito*. По правде говоря, мир не является для меня чем-то иным, чем то, что существует и что имеет значение для моего сознания» [1, 4, 398].

Как утверждает Гуссерль, у человека на стадии *cogito* нет права говорить во множественном числе. Бытие сводится ко мне-думающему, и тогда онтология превращается в эгологию. Мир – главное для меня, но я не высказываюсь относительно его бытия. Я ставлю «вне игры» любое ориентированное отношение к объективному миру, я воздерживаюсь объявить его существующим или кажущимся, вероятным или возможным. Подобное воздержание от суждений о мире выступает в качестве фундаменталь-

ного мыслительного процесса в философии Гуссерля. Существование мира, который кажется само собой разумеющимся исходя из моего повседневного опыта, предполагает существование вне *ego* и его мыслей. И я реализуюсь как чистое *ego*, когда при помощи феноменологической редукции превосхожу мой естественный опыт и когда я направлен на свое существование в той мере, в какой оно является сознанием этого мира.

Достигнутое таким образом Я является трансцендентальным. Здесь попытка Гуссерля сродни попытке Декарта, вместо методического сомнения выступает феноменологическая редукция. Результат процесса един – раскрытие *cogito*, трансцендентального Я с аподиктической очевидностью. Трансцендентальное Я не является частью мира: существует мир или же нет, с помощью феноменологической редукции мое мнение по этому поводу остается неопределенным – Я есмь (*Ego sum*). Если я притворяюсь (используя термин Декарта), что мир не существует, тогда я должен закрыть глаза на достижения частных наук, особенно антропологии и биологии. Феноменологическое *эпохе* сводит природное человеческое Я к трансцендентальному Я, которое придает все свои экзистенциальные Я-значения объективному миру.

Помимо *эпохе* своеобразным приемом «психической гигиены» для Гуссерля выступала в рамках феноменологии эйдетическая редукция, которая осуществляется поэтапно методом изменений. Для рассмотрения берется предмет, перечисляются его характеристики и модификации, а то, что остается после этой операции, то есть то, что уже нельзя изменить без разрушения последнего значения понятия, и называется феноменологическим остатком. Этот остаток определяет эйдетическую сущность, то есть типичный и инвариантный способ, при помощи которого предмет является без каких бы то ни было второстепенных и несущественных свойств. Все переменное и субъективное устраняется.

Разумеется, результат такого сокращения излишеств будет намного беднее многообразия конкретной действительности, но этот результат является воплощением универсального, а не субъективного опыта. Феноменология не занимается, как психология, индивидуальным и изменчивым содержанием мысли, а ее универсальным субстратом. Феноменология стремится быть наукой о сущностях, то есть выбрать

способ достижения познания, ограниченного инвариантами, в пределах которых оно выступает как абсолютно достоверное. По сути дела, Э. Гуссерлем была использована гетевская идея прафеномена – наглядного явления сущности в его представлении о минимально значимом, в котором сущность и существование совпадают. В изобразительном искусстве можно вспомнить Пабло Пикассо, который дошел до представления о прафеномене геометрически (Бык Пикассо), или Каземира Малевича, который нашел в своем «Черном квадрате» минимально значимую форму для наглядного изображения бытия и небытия. Бык Пикассо не имеет ничего общего с чувственными впечатлениями, но действительность предстает в чистом виде, без случайных аспектов, и сводится к абсолютному описанию сущности.

Важнейшим для феноменологии является разработка онтологического понимания истины. Во-первых, для Гуссерля истина выступает как определенность бытия, то есть единство значений, существующее независимо от того, усматривает ли кто-то это существование или же нет. Истина – это и само бытие, понимаемое как «предмет, свершающий истину». Истина – это тождество предмета самому себе, «бытие в смысле истины» (истинная любовь, дружба, положение вещей). Во-вторых, истина есть структура акта сознания, которая делает возможным увидеть положение дел именно таким, каково оно есть. Мыслимое и созерцаемое совпадают. Критерием истины выступает очевидность, которая является переживанием этого совпадения.

Поздний Гуссерль придерживался трансцендентальной феноменологии, соответствующей схеме: *ego – cogito – cogitatum* (я – мысль как синтез многообразия переживаний – мысленный предмет). Многие исследователи признают лишь интенциональную феноменологию, работающую по схеме предмет – феномены – работа сознания с феноменами. Наверное, более прав Гуссерль, и из двух полюсов интенциональности – познаваемое и познающий – более важен познающий субъект. И с этой точки зрения трансцендентальная феноменология имеет содержательное преимущество перед феноменологией интенциональной.

Гуссерль был свидетелем трагических событий XX века. И здесь его размышления над истоками кризиса, приведшего к двум мировым

пожарам (хотя 1939 год Гуссерль уже не застал), очень напоминают мысли немецкого мудреца Иоганна Вольфганга Гете. Истоки трагических событий Гуссерль видел в самих основаниях бездушной техногенной цивилизации, в лишенной человечности науке и технике. Гуссерль анализирует развитую Галилеем и Ньютоном программу математизации науки и вскрывает ее главный недостаток – забвение жизненного мира как смыслового фундамента и математики, и естествознания, и техники. Научно-категориальное вытесняет докатегориальное – все то, что Гуссерль назвал *Lebenswelt* («жизненный мир»). Это область подлинно человеческих, исконных «смысловых формаций», предшествующих рождению науки и не исчезающих с ее развитием. Весь богатый природный мир, субъективный мир цвета, запахов, звуков, разнообразного человеческого опыта коррелируется с интенциональностью субъекта, благодаря которой и выделяются чистые смысловые структуры, идеальные сущности.

Гуссерль осознавал, что в 30-е годы XX века в Европе сложилась сложная духовная ситуация, характерными признаками которой была абсолютизация мнимых очевидностей. Возобладали натурализм и объективизм, все стало казаться простым, очевидным и набившим оскомину. Великие слова Платона о том, что изумление – начало философии, стали забываться. Но науки о духе (*Geisteswissenschaften*) все же отличаются от естествознания, ибо в их центре – человек. А человеку свойственно не только ошибаться, но и изумляться. К всеобщему духовному кризису ведут как отказ от философии и ее забвение, так и ее искажение. Поэтому поздний Гуссерль и бьет в набат: «Человечеству высшей гуманности или разума нужна... подлинная философия. Но в этом-то и заключается опасность! Ни одно направление исследования, ни одна частная истина не должна изолироваться и абсолютизироваться. Только в этом высшем самосознании, которое само становится ветвью бесконечной задачи, может философия исполнить свою функцию верной ориентации самой себя, а тем самым подлинного человечества» [3, 654-655].

В наше время тоже господствует слепая абсолютизация ложных истин. Человечество бесконечно далеко от «подлинности», ибо поклоняется новым идолам. В ходу политкорректность и толерантность, которые столь удобны

для посредственностей и нечистых на руку политиков. Человечество сознательно отучают размышлять, ибо человек разумный становится главной опасностью для мира, над которым осуществляется глобальная вивисекция по-американски. Вопрос Гуссерля: «Почему не родилась научная медицина – медицина наций и сверхнациональных общностей?» – актуален ныне как никогда. «Европейские нации больны, сама Европа в кризисе. Мы прямо-таки тонем в потоке наивных и экзальтированных реформаторских идей» [7, 352], – констатирует мыслитель, и его слова звучат чрезвычайно злободневно.

Феноменологический метод применялся чрезвычайно широко в самых разнообразных отраслях науки. Макс Шелер изучал нравственные вопросы, используя феноменологию. Отто Рудольф штудировал религиозный опыт, а Морис Мерло-Понти – психологию восприятия. Карл Ясперс использовал феноменологию в психопатологии, а Мартин Хайдеггер – в экзистенциальной аналитике. Это не удивительно, ибо феноменология с самого начала формировалась не как закрытая философская школа, а как широкое философское направление, в котором уже с самого начала возникают тенденции, не сводимые лишь к мировоззренческим взглядам самого Гуссерля.

Гуссерль решил осмыслить мир и все его многообразие и для этого предложил вариант, основанный на чувственных впечатлениях. Деятельность сознания представлена в феноменологии в намного более содержательном аспекте, чем в теории абстракции. Разумеется, Гуссерль несколько абсолютизировал чувственную сферу, используя в своей философии такую схему: чувства – мысли – язык – действия. Но исходным звеном этой философской схемы могут выступать и мысли, и язык, и действия. Деятельность сознания отнюдь не исчерпывается ступенями феноменологического метода. Бесспорно одно: на всех этапах творчества Гуссерлем руководила благородная идея – найти путь к единой истинной философии как не только к строгой и универсальной науке, но и как науке живой и человеческой, отвечающей на вызовы не только разума, но и на запросы сердца и человеческой совести. Он мечтал об «идеально ориентированной социальности», где «сама философия

продолжает выполнять свою собственную бесконечную задачу – функцию свободной и универсальной теоретической рефлексии, охватывающей также все идеалы и всеобщий иде-

ал, т. е. универсум всех норм. Философия должна всегда выполнять в европейском человечестве свою функцию – архонта всего человечества» [7, 366].

Список использованной литературы:

1. Husserliana. Bd 1–8. – Haag, 1950–1959.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск, 1994.
3. Гуссерль Э. Логические исследования; Картезианские размышления; Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология; Кризис европейского человечества философии; Философия как строгая наука. – Минск, Москва, 2000.
4. Goethe. Maximen und Reflexionen. – Weimar-Stuttgart, 1949.
5. Мамардашвили М. Феноменология – сопутствующий момент всякой философии // Путь в философию. Антология. – М., 2001. С. 385.
6. Гете И.В. Избранные сочинения по естествознанию. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
7. Всемирная философия. XX век. Антология. – Минск, 2004.